

Научная статья

УДК 343.211.4

DOI 10.52070/2500-3488_2022_2_843_160

Квалификация деяния, предусмотренного ст. 38 УК РФ (причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление)

И. Г. Плэмэдялэ

ФКУ НИИ ФСИН России, Москва, Россия,
igor.plemedyale@yandex.ru

Аннотация. Практика «исключения преступности» деяний, предусмотренных статьями 37–42 УК РФ, путем сопоставления с составами разных преступлений, представляется несостоятельной ввиду ее противоречивости и неэффективности. Оправдание этих деяний целесообразно осуществлять в рамках отдельной от квалификации состава преступления юридической процедуры, что, собственно, и определяет содержание и направленность настоящей статьи и предстоящей серии публикаций по заданной теме в целом.

Ключевые слова: принудительное задержание, исключение преступности деяния, состав правомерного поступка, оправдание

Для цитирования: Плэмэдялэ И. Г. Квалификация деяния, предусмотренного ст. 38 УК РФ (причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление). Образование и педагогические науки. 2022. Вып. 2(843). С. 160–167. DOI 10.52070/2500-3488_2022_2_843_160

Original article

Qualification of the Act Provided for in Article 38 of the Criminal Code of the Russian Federation (causing harm during the detention of a person who committed a crime)

Igor G. Plemedyale

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russian, Moscow, Russia
igor.plemedyale@yandex.ru

Abstract. The current practice of “exclusion of the criminality” of acts provided for by Articles 37–42 of the CC of the RF, by comparing them with the corpus delict of various crimes, seems untenable, in view of its inconsistency and ineffectiveness. Therefore, it is advisable to justify these acts within the framework of a separate legal procedure from the qualification of the crime, which, in fact, determines the content and focus, not only of this article, but also of the upcoming cycle of publications on a given topic.

Keywords: forced detention, exclusion of criminality of the act, corpus of a lawful act, vindication

For citation: Plemedyale, I. G. (2022). Qualification of the act provided for in Article 38 of the Criminal Code of the Russian Federation (causing harm during the detention of a person who committed a crime). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and Teaching, 2(843), 160–167. 10.52070/2500-3488_2022_2_843_160

ВВЕДЕНИЕ

Российское уголовное право, выполняя задачи, предусмотренные ст. 2 УК РФ, выступает в качестве стабилизирующего фактора общественной жизни. Для этого совместно с другими отраслями права оно призвано реализовать, в числе других, функцию «исключения преступности деяния». Согласно ст. 38 УК РФ, одним из таких деяний является «причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление», обозначенного в научной литературе разными формулировками. Автор предлагает назвать это деяние «принудительным задержанием», суть которого состоит в препятствовании передвижению физического лица (лиц) и / или в принудительном его (их) перемещении, посредством применения физической силы, специальных средств и оружия, по основаниям и в порядке, предусмотренных российским законодательством.

Каково же назначение ст. 38 УК РФ? Ответ вроде очевиден, поскольку название главы 8 УК РФ¹ как бы говорит само за себя. Однако что же всё-таки означает «исключение преступности деяния»? Вопрос, на первый взгляд, риторический, таковым не является вовсе. Почему? Хотя бы потому, что такое понятие не имеет нормативного определения. Действующая российская законодательная практика не содержит четких и однозначных нормативных установок относительно направленности и юридических последствий, как применения и использования ст. 38 УК РФ, так и рассматриваемого института в целом, реализация которого не ограничивается только нормами Уголовного кодекса.

На данный момент в России не разработан юридический (процессуальный) порядок установления (признания) правомерности деяния. Правомерным считается только соблюдение запретов, установленных законом. Правовая же оценка правомерности поступков, т. е. активных действий, действующим законодательством не предусмотрена. Поэтому любое юридически значимое действие изначально рассматривается правоприменителем под призмой противоправного деяния. Окончательное же решение относительно правомерности таких действий принимается не в соответствии с нормативными предписаниями, ввиду их отсутствия, а на основе «усмотрения», а проще говоря, личного мнения конкретного человека, наделенного соответствующими полномочиями.

В теории имеется разное видение относительно процедуры признания правомерности деяния в рамках рассматриваемого института. Так, существуют мнения, что правомерность такого

деяния можно (нужно) установить путем «сопоставления» (или сравнения) с признаками разных составов преступлений, или признаками преступления, предусмотренных ст. 14 УК РФ. Может быть. Однако «сопоставление» предполагает наличие хотя бы двух предметов, которые нужно сопоставить. Если признаки состава преступления, так или иначе, предусмотрены уголовным законом (разными статьями общей и особенной частей УК), то предмет сопоставления – в нашем случае – признаки, характеризующие деяние как правомерное, законом не предусмотрены. То же самое касается и «сопоставления» признаков преступления (ст. 14 УК РФ) – их просто не с чем «сопоставить».

ХАРАКТЕРИСТИКА МЕР ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ЗАДЕРЖАНИЯ В ТЕОРИИ И ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

В теории большинство ученых сходятся во мнении, что деяние, предусмотренное ст. 38 УК РФ, является общественно-полезным, желательным для общества, направлено на защиту прав и свобод граждан и т. д. и т. п. Все это, конечно, хорошо, однако констатация этих свойств только в качестве предмета научных изысканий никак не влияет на правовую регламентацию рассматриваемого института.

М. М. Пронина верно, но весьма деликатно отметила, что «содержащаяся в Уголовном кодексе оценка рассматриваемых действий только как не-преступных неполно отражает их социально-политическое содержание» [Пронина, 2005]. Наверное, следует уточнить, что содержащаяся в ст. 38 УК РФ «оценка» действий по задержанию является юридически ничтожной, поскольку такая «оценка» не исключает ни уголовную ответственность, ни наказание субъекта задержания.

Значимость же вышеизложенных научных оценок и выводов возросла бы в виде законодательных предписаний. Еще в 1976 г. Г. В. Бушуев писал о том, что «в норме, регламентирующей правомерность задержания преступника, должно содержаться прямое указание на его общественную полезность» [Бушуев, 1976]. О необходимости нормативного закрепления соответствующих положений неоднократно высказывались и другие ученые. Однако, несмотря на многочисленные научно обоснованные доводы, на данный момент в российской правовой системе нет ни одного закона, содержащего «прямое указание» на правомерность и общественную полезность «задержания преступника».

Следует отметить, что законодательный пробел о признании правомерности «действий по задержанию преступника» впервые был компенсирован

¹Глава 8 УК РФ «Обстоятельства, исключающие преступность деяния».

в постановлении пленума Верховного Суда СССР (далее ППВС) № 8 от 23 октября 1956 г.¹

Важным шагом в решении данной проблемы стало принятие Президиумом Верховного Совета СССР Указа № 5362–VI от 26 июля 1966 г. (далее Указ № 5362–VI), где (п. 15) было сказано о том, что действия, направленные на задержание преступника, являются правомерными².

Во время действия Указа № 5362–VI пленум Верховного Суда СССР были приняты два постановления относительно практики применения законодательства о необходимой обороне и «задержании», рассматриваемого как частный случай обороны. Речь, конечно же, идет о ППВС № 11 от 04 декабря 1969 г.³ и № 14 от 16 августа 1984 г.⁴

Какая взаимосвязь между Указом № 5362 – VI и этими двумя ППВС? К сожалению – никакой! Однако, принимая во внимание подзаконный характер ППВС, очевидно, что такая связь должна была быть, поскольку данный Указ обладал юридической силой закона (!)⁵. Несмотря на это, пленум Верховного Суда проигнорировал два весьма важных положения Указа № 5362–VI. Первое положение – о признании «задержания преступника» в качестве самостоятельного правового института. М. И. Якубович точно отметил, что принятие данного Указа «означало фактическое и юридическое признание “задержания преступника” в качестве самостоятельного института уголовного права» [Якубович, 1967]. В постановлениях же № 11 1969 г. (п. 5) и № 14 1984 г. (п. 3), было сказано, что «действия по задержанию» должны рассматриваться «как совершенные в состоянии необходимой обороны». Второе положение Указа, которое не нашло своего отражения в этих двух ППВС, – о «правомерности» действий, направленных на «задержание преступника». Так, ППВС № 11 1969 г. содержало разъяснение (п. 1) о том, что «такого рода действия не содержат состава преступления». В другом ППВС, № 14

1984 г., ничего не было сказано – ни об отсутствии состава преступления в действиях по «задержанию правонарушителей», ни о правомерности этих действий.

Вместе с тем следует отдельно отметить ППВС СССР № 4 от 07 июля 1983 г.⁶ В нем, в отличие от вышеупомянутых двух ППВС, содержалось (п. 16) соответствующее Указу № 5362–VI положение о правомерности действий, «направленных на задержание правонарушителя».

Что касается действующего ППВС № 19 от 27 сентября 2012 г.⁷, то можно отметить отсутствие в нем какой-либо информации относительно правомерности и общественной полезности как «причинения вреда при задержании...», так и необходимой обороны.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СТ. 38 И ДРУГИЕ СТАТЬИ УК РФ

Началом решения этой проблемы могло бы стать внесение в ст. 38 УК РФ следующего определения: «Принудительное задержание – это правомерное и общественно-полезное деяние, направленное на обеспечение правопорядка, защиту прав и интересов личности, общества и государства» [Плэмэдялэ, 2021].

Однако этого недостаточно. Для того чтобы инициировать процесс трансформации «исключения преступности деяния» из декларации в нормативно-правовое предписание, способное генерировать юридические последствия оправдательного характера, целесообразно, чтобы эта новоявленная функция (задача) была имплементирована в некоторые основополагающие статьи Общей части Уголовного кодекса РФ. Например:

- в ст. 2 УК РФ внести ч. 3 следующего содержания: «Настоящий кодекс определяет обстоятельства, исключающие преступность деяния, а также устанавливает основания и принципы исключения уголовной ответственности»;
- ч. 1 ст. 3 УК РФ изложить в следующей редакции: «Преступность деяния, его наказуемость, исключение преступности деяния и его наказуемости, иные уголовно-правовые последствия определяются настоящим Кодексом»;
- внести в УК РФ ст. 8¹ «Основания исключения уголовной ответственности» следующего

¹ППВС СССР от 23 октября 1956 г. № 8 «О недостатках в судебной практике по делам, связанным с применением законодательства о необходимой обороне». <https://www.consultant.ru>

²Ведомости Верховного Совета СССР. 1966 г. № 30. С. 595. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. № 5362 – VI «Об усилении ответственности за хулиганство». <https://www.consultant.ru>

³ППВС СССР от 4 декабря 1969 г. № 11 «О практике применения судами законодательства о необходимой обороне». URL: <https://www.consultant.ru>

⁴ППВС СССР от 16 августа 1984 г. № 14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств». URL: <https://www.consultant.ru>

⁵Указ от 26 июля 1966 г. № 5362–VI, как и все его последующие редакции, утверждались в законодательном порядке. Действие данного Указа было прекращено Федеральным законом от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ. URL: <https://www.consultant.ru>

⁶ППВС СССР от 7 июля 1983 г. № 4 «О практике применения судами законодательства об охране природы». Данное постановление признано утратившим силу ППВС РФ от 5 ноября 1998 г. № 14. URL: <https://www.consultant.ru>

⁷ППВС РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление». URL: <https://www.consultant.ru>

содержания: «Уголовная ответственность исключается при совершении деяний, содержащих признаки составов, предусмотренных ст. ст. 37, 38, 39, 40, 41, 42 настоящего Кодекса. Лицо не подлежит уголовной ответственности в случаях применения им физической силы, специальных средств, оружия, боевой и специальной техники, иных средств, по основаниям и в порядке, предусмотренных законодательством Российской Федерации»;

– в ст. 14 УК РФ внести часть 3 следующего содержания: «Не является преступлением совершение деяний, предусмотренных ст. ст. 37, 38, 39, 40, 41, 42 настоящего Кодекса».

Реализация этих предложений в значительной степени уменьшила бы «правоприменительный люфт» при правовой оценке этих деяний.

АНАЛИЗ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ЗАДЕРЖАНИЯ

Отсутствие в законе «прямого указания» на правомерность принудительного задержания приводит не только к противоречивым трактовкам в теории, но и к осложнению практической реализации исследуемого института. Выражается это в том, что потенциальные субъекты задержания опасаются применять меры силового принуждения (физическую силу, специальные средства, оружие) даже в предусмотренных законом случаях. Актуальным по этому поводу остается мнение А. С. Рабаданова (и других ученых) о том, что субъекты задержания боятся не столько стычки с правонарушителем, сколько дальнейшего разбирательства [Рабаданов, 1998]. Почему так происходит, и что это за «разбирательство», которого так «боятся» субъекты задержания?

Это «разбирательство» описала А. И. Ситникова, отметив, что «для признания действий правомерными судебная практика идет путем от противного: вначале в действиях лица, причинившего вред... устанавливаются признаки состава преступления. Отсутствие этих признаков дает возможность правоприменителю квалифицировать деяние как правомерное» [Ситникова, 2016]. Следует заметить, что такой алгоритм квалификации характерен для всей правоприменительной практики, реализация которого происходит на основании ч. 1 ст. 24, п. 2 ч. 1 ст. 27, ч. 1 ст. 239, ч. 7 ст. 246, ч. 2 ст. 302 УПК РФ. Соответствующее разъяснение содержит также и ППВС РФ № 19 от 27 сентября 2012 г.¹ Этот алгоритм предусматри-

вает возбуждение уголовных дел в отношении субъектов задержания и обороны. Фактически происходит их привлечение к уголовной ответственности, так как содеянное ими изначально рассматривается на предмет выявления признаков состава преступления, а в процессе дознания, следствия и судебного разбирательства они фигурируют, как правило, в качестве подозреваемых, обвиняемых, или подсудимых. А. И. Ситникова справедливо считает подобный подход неприемлемым и «заставляющим граждан, совершивших общественно-полезные или социально оправданные действия, испытывать физические лишения и нравственные страдания в процессе уголовного судопроизводства» [Ситникова, 2016]. Можно добавить, что такая практика отрицательно влияет на правосознание человека, вызывает крайнее раздражение общественности, снижает авторитет, не только правоприменительных органов, но системы обеспечения правопорядка в целом. Дальнейшее игнорирование этих факторов недопустимо. Что делать?

Первое – «признание действий правомерными» вышеизложенным «путем от противного» следует признать «ложным ходом». В. И. Михайлов отмечает, что «нельзя давать характеристику какому-либо явлению путем указания на отсутствие у него тех свойств (элементов), которые находятся вне этого явления» [Уголовное право ... 2016, т. 10, с. 72]. Изречение из фильма «Место встречи изменить нельзя» напрашивается тут как нельзя кстати: «очень трудно искать в темной комнате черную кошку, особенно, если там ее нет»². Переходя от аллегории к практике, можно сказать, что поиск «черной кошки» и есть попытка установления отсутствующих признаков преступления. Парадокс заключается в том, что этот «сизифов труд» не оказывается безрезультатным. Несмотря на имеющиеся в теории «дифирамбы» о правомерности (общественной полезности и т. п.) содеянного, правоприменитель именно в таких деяниях всё-таки усматривает состав преступления. Об этом свидетельствуют материалы обзора о практике применения судами положений гл. 8 УК РФ с 2015 по 2018 гг.³, в который почему-то были включены только сведения о превышении мер «обороны» и «задержания». В этом документе нет данных ни по оправдательным приговорам, ни по матери-

(определения) о прекращении уголовного дела является отсутствие в деянии состава преступления». URL: <https://www.consultant.ru>

²Герой фильма ошибочно сослался на «китайского мудреца» – Конфуция, у которого такого изречения нет.

³Обзор практики применения судами положений гл. 8 УК РФ об обстоятельствах, исключающих преступность деяния (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22 мая 2019 г.). URL: <https://www.consultant.ru>

¹См. п.30 ППВС РФ № 19 от 27 сентября 2012 г.: «Основанием вынесения оправдательного приговора или постановления

алам об отказе в возбуждении или прекращении уголовных дел (уголовного преследования)¹.

При этом следует обратить внимание еще на один показатель данного обзора, на количество рассмотренных дел по «обороне» и «задержанию», безотносительно к их квалификации как «превышение мер...». Так, согласно статистике обзора, правоприменительная практика по делам о «задержании» почти в 100 (сто) раз меньше (!), чем по «обороне»². Такая большая разница представляется странной. Вряд ли при «задержании» силовые меры применяются настолько реже, по сравнению с «обороной». Эти показатели говорят о том, что правоприменительные органы испытывают значительные трудности как с квалификацией принудительного задержания в качестве отдельного института (состояния), так и с правовой оценкой содеянного в качестве правомерного поступка. С учетом вышесказанного относительно опасений по применению силы складывается некое «состояние ущербности» рассматриваемого института.

Второе – для исправления этого ненормального, даже с точки зрения здравого смысла, положения, надо менять вектор правовой оценки при квалификации деяний гл. 8 УК РФ. Так, вместо бессмысленного «обходного правоприменительного маневра», в виде попыток установления (или «исключения») отсутствующих признаков разных составов преступлений, вполне уместной и разумной представляется процедура квалификации признаков, характеризующих содеянное как правомерный («общественно-полезный», «социально допустимый», «извинительный») поступок. Так сказать, «напрямую». Как отмечает Г. В. Бушуев, «для задержания преступника характерно не отсутствие в деянии состава преступления, а наличие объективных и субъективных признаков общественно-полезного поведения» [Бушуев, 1976]. Это значит, что использование понятия «состав» возможно (даже необходимо) для характеристики не только противоправных, но и правомерных деяний. А. В. Никуленко, назвав эту концепцию «нетрадиционной», «усомнился» в возможности ее применения «в реальной жизни» [Никуленко, 2019], тем самым уважаемый

коллега обозначил позицию определенного круга ученых по данной проблеме.

В настоящей публикации предпринята попытка доказать обратное, обоснование которого можно найти и в других ранее проводимых исследованиях. Так, В. Н. Кудрявцев считает, что структура любого сознательного и волевого поведения человека, в том числе и правомерного поступка, включает субъект, объект, объективную и субъективную стороны [Кудрявцев, 1976].

Иного мнения по данному вопросу придерживается Е. В. Благов: «...оперирование понятиями объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны применительно к обстоятельствам, исключающим преступность деяния, оказываются бессмысленным повторением того, что выясняется на первом этапе применения гипотезы нормы уголовного права – при квалификации преступления» [Благов, 2004]. По мнению ученого, «...исходя из назначения рассматриваемых обстоятельств, противопоставление преступлению, полная аналогия с составом преступления здесь вряд ли уместна» [там же].

Это не совсем так. В нашем случае предметом квалификации является состав правомерного поступка, а не состав преступления. Поэтому здесь нет, и быть не может какого-либо «повторения», причем не только «на этапе применения гипотезы», но также и «на этапах применения» диспозиции и санкции соответствующих норм. В связи с этим несколько преувеличенным представляется утверждение о «полной аналогии» двух видов составов. Во-первых, содержание признаков состава преступления не совпадает с содержанием признаков состава правомерного поступка, которые, как отмечает Ю. В. Баулин, «характеризуют содеянное как общественно-полезное или социально допустимое» [Баулин, 1991]. Во-вторых, отличаются юридические последствия квалификации этих составов. В отличие от состава преступления, по верному замечанию Г. С. Курбанова, «состав деяния в условиях, когда имеет место одно из обстоятельств, исключающих преступность деяния, означает отсутствие оснований уголовной ответственности» [Курбанов, 1991].

Заметим, что в уголовно-правовой теории имеется разное понимание содержания составов «исключающих преступность деяния» и квалификации их признаков. Так, в структуру таких составов включены и характеристика самих деяний, и основания осуществления этих деяний (причины, случаи). Представляется, что правовую оценку этих явлений (деяния – как следствие, и основания – как причины) надо проводить отдельно, хотя и в тесной взаимосвязи. С одной стороны, должны быть установлены признаки, образующие состав

¹Несмотря на то, что этот обзор – «о применении положений главы 8 УК РФ» (как это значится в его заголовке), в нем нет данных по делам об «исключении преступности» деяний. Представляется, что в следующем обзоре «о применении положений главы 8 УК РФ», Судебному департаменту при Верховном Суде РФ необходимо включить и статистику правоприменительной практики «оправдания» по данной категории дел.

²В обзоре значится, что в период с 2015 по 2018 гг., включительно, рассмотрено: 3688 (три тысячи шестьсот восемьдесят восемь) дел по «обороне» и, всего 34 (тридцать четыре) дела о «задержании» // URL: <https://www.consultant.ru>

правомерного деяния (поступка), с другой – вне рамок такого состава, основания (причины), оправдывающие содеянное [Плэмэджлэ, 2007].

При этом необходимо четко уяснить, что квалификация правомерного поступка так же, как и квалификация преступления, не может быть осуществлена на основе положений и выводов, пусть даже и научно обоснованных, но не имеющих нормативного обозначения. Предметом правовой оценки могут быть только юридически значимые, т. е. предусмотренные законом факты и события. Эту процедуру можно определить как установление соответствия между фактическими признаками содеянного и признаками состава поступка, предусмотренного законом в качестве правомерного («социально допустимого», «извинительного» и т. д.). Также нужно принять во внимание, что квалификация таких деяний не ограничена только нормами Уголовного кодекса. Принципиально важным следует признать, что материально-правовую основу квалификации правомерного поступка (в нашем случае, принудительного задержания) составляют также положения законов о применении мер силового принуждения – физической силы, специальных средств, оружия. Именно в этих законах сосредоточена необходимая правовая информация о признаках соответствующих составов (субъекте, объекте, объективной стороне), имеющих определяющее значение для «правильной» квалификации этих деяний. К тому же, как отмечает В. И. Михайлов, «таких признаков нормы гл. 8 УК РФ не содержат» [Уголовное право ... 2016, т. 10, с. 74]. Что ж, фронт работ можно считать обозначенным как для научного сообщества, так и для законодателя, tandem которых призван точно и понятно определить эти признаки и в уголовном законе.

Квалификация состава принудительного задержания обретает двоякое значение: во-первых, установление признаков этого состава выступает в качестве основания исключения уголовной ответственности, во-вторых, тем самым происходит отграничение этого деяния как правомерного поступка, от превышения пределов задержания, а также иных составов преступлений. Конечный итог такой правовой оценки – это оправдание деяния, совершение которого разрешено законом.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ В УПК РФ, В ЧАСТИ КАСАЮЩЕЙСЯ «ИСКЛЮЧЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ» (ОПРАВДАНИЯ) ДЕЯНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ГЛАВОЙ 8 УК РФ

Принимая во внимание вышеизложенное, было бы целесообразно:

– в ст. 5 УПК РФ внести п. 22.1, в котором необходимо предусмотреть определение понятия «оправдание» – как «решение (утверждение) в отношении деяния, соответствующего предписаниям действующего законодательства»;

– в ст. 5 УПК РФ переименовать п. 43 вместо «сообщение о преступлении», внести понятие «сообщение о происшествии – заявление (рапорт) о происшествии, явка с повинной, рапорт (заявление, доклад, уведомление) о применении физической силы, специальных средств, оружия, специальной и боевой техники, иных средств и приспособлений, постановление прокурора о направлении материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании».

Это изменение обусловлено тем, что, во-первых, на стадии «обнаружения» преждевременно вести речь о «преступлении». Во-вторых, подготовка и направление в разные инстанции (в том числе, прокурору) материалов (уведомлений) осуществляется не только в связи с «обнаружением преступления», но и по фактам применения силовых мер «в случаях», а также «на основаниях и в порядке», предусмотренных законом;

– в ч. 1 ст. 24 УПК РФ внести п. 7 следующего содержания: «установление признаков составов деяний, предусмотренных ст. ст. 37, 38, 39, 40, 41, 42 Уголовного кодекса и другими законами Российской Федерации»;

– в ст. 24 УПК РФ внести ч. 5 следующего содержания: «уголовное дело подлежит прекращению по основаниям, предусмотренным статьей 8¹ Уголовного кодекса Российской Федерации», (предложение по ст. 8¹ УК РФ, см. выше);

– п. 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ изложить в следующей редакции: «прекращение уголовного дела по основаниям, предусмотренным пп. 1–7 ч. 1, и ч. 5 ст. 24 настоящего Кодекса» (предложения по п. 7 ч. 1, и ч. 5 ст. 24 УПК РФ – см. выше).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данная публикация является вступительной в предстоящей серии очерков, в которых будут рассмотрены признаки состава принудительного задержания как структурной характеристики поступка, соответствующего предписаниям российского законодательства, в следующем порядке: субъект, объект, субъективная и объективная стороны. Конечно, сопутствующий этому циклу своеобразный «эффект домино» законодательных предложений будет распространяться на разные отрасли права, составляющие институт принудительного задержания. Такое

комплексное законодательное обновление способствовало бы формированию эффективного юридического механизма оправдания этих деяний, а также обеспечило бы единое понимание

соответствующих правовых норм разными субъектами, независимо от формы реализации в процессе их использования, соблюдения, исполнения или применения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пронина М. М. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление: уголовно-правовая регламентация и ее совершенствование: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск. 2005.
2. Бушуев Г. В. Социальная и уголовно-правовая оценка причинения вреда преступнику при задержании: учебное пособие. Горький: Горьковская Высшая школа МВД СССР, 1976.
3. Якубович М. И. Учение о необходимой обороне в советском уголовном праве. М.: Высшая школа. 1967.
4. Плэмэдялз И. Г. Актуальные проблемы ст. 38 УК РФ «Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Российский следователь. 2021. № 5. С. 64–68.
5. Рабаданов А. С. Современные проблемы повышения эффективности применения норм УК о необходимой обороне и причинении вреда преступнику при задержании // Следователь. 1998. № 4. С. 11–15.
6. Ситникова А. И. Конструирование и законодательно-текстологическая интерпретация теоретической модели главы «Причинение вреда в исключительных ситуациях» // Lex russica. 2016. № 8(117). С. 48–60.
7. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс: в 10 т. Т. X. Обстоятельства, исключающие преступность деяния / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Н. А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2016.
8. Никуленко А. В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: концептуальные основы уголовно-правовой регламентации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2019.
9. Кудрявцев В. Н. Право и поведение. М.: Юрид. лит., 1978.
10. Благов Е. В. Применение уголовного права (теория и практика). СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004.
11. Баулин Ю. В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. Харьков, 1991.
12. Курбанов Г. С. Обстоятельства, устраняющие общественную опасность и противоправность деяния. Баку, 1991. С. 35–36.
13. Плэмэдялз И. Г. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

REFERENCES

1. Pronina, M. M. (2005). Prichineniye vreda pri zaderzhanii litsa, sovershivshogo prestupleniye: ugovovno-pravovaya reglamentatsiya i yeyo sovershenstvovaniye = Causing harm during the arrest of a person who committed crime: criminal law regulation and its improvement: PhD in Law. Chelyabinsk. (In Russ.)
2. Bushuyev, G. V. (1976). Sotsial'naya i ugovovno-pravovaya otsenka prichineniya vreda prestupniku pri zaderzhanii = Social and criminal law assessment of harm offender upon arrest. Gorky: Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. (In Russ.)
3. Yakubovich, M. I. (1967). Ucheniye o neobkhodimoy oborone v sovetskom ugovovnom prave = The doctrine of necessary defense in the soviet criminal law. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
4. Plemedyale, I. G. (2021). Actual problems of art. 38 of the Criminal Code of the Russian Federation «Causing harm during the detention of the person who committed the crime». Russian investigator, 5, 64–68. (In Russ.)
5. Rabadanov, A. S. (1998). Modern problems of efficiency improvement application of the norms of the Criminal Code on necessary defense and infliction of harm perpetrator upon arrest. Investigator, 4, 11–15. (In Russ.)
6. Sitnikova, A. I. (2016). Construction and legislative and textological interpretation of the theoretical model of the chapter «Infliction of harm in exceptional situations». Lex russica, 8(117), 48–60. (In Russ.)
7. Lorashenko N. A. (Ed). (2016). Criminal law. General part. The crime: in 10 vols. (Vol. X. Circumstances excluding the criminality of the act). Moscow: YurLitinform. (In Russ.)
8. Nikulenko, A. V. (2019). Obstoyatel'stva, isklyuchayushchiye prestupnost' deyaniya: kontseptual'nyye osnovy ugovovno-pravovoy reglamentatsii = Circumstances excluding the criminality of the act: conceptual foundations of criminal law regulation: abstract of Senior Doctorate in Law. St. Petersburg. (In Russ.)
9. Kudryavtsev, V. N. (1978). Law and behavior. Moscow: Yurid. lit. (In Russ.)
10. Blagov, E. V. (2004). Application of criminal law (theory and practice). St. Petersburg: Publishing house R. Aslanov «Legal center Press». (In Russ.)
11. Baulin, Yu. V. (1991). Circumstances exclusion criminality of the act. Kharkov. (In Russ.)
12. Kurbanov, G. S. (1991). Circumstances eliminating public danger and illegality of the act (pp. 35–36). Baku. (In Russ.)
13. Plemedyale, I. G. (2007). Prichineniye vreda pri zaderzhanii litsa, sovershivshogo prestupleniye = Causing harm during the arrest of a person who committed the crime: PhD in Law. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Плэмэдялэ Игорь Георгиевич

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела изучения отечественного и зарубежного опыта, истории УИС, сравнительного анализа пенитенциарного законодательства ФКУ НИИ ФСИН России

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Plemedyale Igor Georgievich

PhD (Law), Major Scientific Employee of the Department for the Study of Fatherland and Foreign Experience, the History of the Penal System, Comparative Analysis of Penitentiary Legislation of the Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

---

Статья поступила в редакцию 20.01.2022
одобрена после рецензирования 10.02.2022
принята к публикации 04.03.2022

The article was submitted 20.01.2022
approved after reviewing 10.02.2022
accepted for publication 04.03.2022